

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.Е. ТИХОНОВА

ДОХОДНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В РОССИИ: КРОСС-СТРАНОВОЙ И ДИНАМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

Аннотация. В статье рассмотрены общие изменения глубины неравенств в российском обществе в целом и вектор изменения модели доходной стратификации массовых слоев российского общества. Проведено сравнение этой модели с моделями доходной стратификации в ряде других стран — в развитых европейских, постсоциалистических, развивающихся странах Латинской Америки, а также в Китае. Показана двусторонняя связь моделей доходной стратификации с историческим прошлым и общим вектором политического развития этих стран. Продемонстрировано, что по типу доходной стратификации массовых слоев общества Россия относится в настоящее время к европейским странам, однако имеет по отношению к ним две характерные особенности. Это, во-первых, ярко выраженная тенденция к концентрации населения в составе «срединной» (медианной) группы в силу традиционно присущего российскому обществу выравнивания доходов массовых слоев населения «по среднему». А во-вторых, это очень большой и все возрастающий отрыв «верхушки» общества от остальных россиян, означающий постепенное «истончение» прослойки, соединяющей эту «верхушку» с массовыми слоями населения. Обе эти тенденции с годами усиливаются и при кажущемся сокращении глубины внутривнутристранных доходных неравенств, фиксируемом статистикой, в реальности в России происходит их углубление. Анализ проведен на базе обширного эмпирического материала, включающего статистические данные Федеральной службы государственной статистики

Тихонова Наталья Евгеньевна — доктор социологических наук, профессор-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20, НИУ ВШЭ.

Телефон: +7 (903) 729-05-39. **Электронная почта:** netichon@rambler.ru

¹ Статья подготовлена в рамках работы над поддержанным Российским фондом фундаментальных исследований проектом «Динамика модели доходной стратификации российского общества в социологическом измерении (1992–2017 гг.)», № 17-03-00290.

(ФСГС РФ) за 1970–2016 гг. и три источника социологических данных за 1994–2017 гг. (база данных “International Social Survey Programme”, Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ и Мониторинговое исследование Института социологии РАН).

Ключевые слова: стратификация по доходам; модели стратификации; доходные неравенства; доходы населения; уровень доходов; динамика доходов.

Для цитирования: Тихонова Н.Е. Доходная стратификация в России: кросс-страновой и динамический анализ // Социологический журнал. 2017. Том 23. № 4. С. 31–50. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.4.5527

Неравенство доходов — самый острый и болезненный тип социальных неравенств, а ситуация с ним во многом определяет настроения массовых слоев населения и даже политическую повестку дня — ведь именно данные о распределении доходов являются основой для принятия многих решений в государственной социально-экономической политике (налоговой, образовательной, социальной и т. д.). Важную роль играет изучение неравенства доходов и в анализе социальной структуры общества, причем в социально-экономических науках существует даже традиция строить специальные модели доходной стратификации общества — как правило, при кросс-страновом анализе бедных слоев общества или среднего класса [7; 9; 10; 15; 16 и др.]. Понятно поэтому, что рассмотрение динамики отечественной модели доходной стратификации за последние десятилетия на фоне ситуации в странах из разных регионов мира способствует лучшему пониманию современного состояния и специфики российского общества, совершенствованию реализуемой социально-экономической политики.

Изучение динамики моделей доходных неравенств тем более значимо, что в этой области сейчас наблюдаются серьезные изменения во всем мире. Соответственно, и внимание ученых разных стран к этим неравенствам заметно растет. Особенно активизировалась дискуссия на этот счет после появления получившей широкую известность работы Т. Пикетти [12]. В ходе этой дискуссии одни ученые, в том числе и сам Т. Пикетти, говорят о растущем межстрановом и внутрискановом доходном неравенстве. Другие же предлагают оценивать динамику доходов населения с учетом ряда дополнительных обстоятельств, — например, сокращения неравенства между разными странами при росте неравенства внутри этих же самых стран. Это позволяет им сделать вывод, что доходное неравенство в целом по миру не только не растет, а даже сокращается, при том что внутрискановое неравенство в разных странах характеризуется разнонаправленными тенденциями [11]².

² О сокращении неравенства за счет «подтягивания» к среднему стандарту беднейших стран мира говорится и в вышедшем в 2016 г. Докладе Всемирного банка “Poverty and Shared Prosperity. Taking on Inequality” (URL: <<http://www.worldbank.org/en/publication/poverty-and-shared->

Однако исследования доходных неравенств, проводимые в основном экономистами, опираются обычно на статистические данные и касаются общества в целом. В то же время большое значение для социальной диагностики имеет не только состояние и динамика доходных неравенств в масштабах всего общества, включая богатейших людей страны, но и динамика таких неравенств среди массовых слоев населения. Ведь на настроения людей и их поведенческие практики влияет не столько то, стали ли беднее или богаче те верхние 2–3%, с которыми они никогда не соприкасаются в своей повседневной жизни, сколько то, что происходит с их собственными доходами в сравнении с доходами тех людей, с которыми они пересекаются в своей повседневности. В связи с этим особый интерес представляют данные социологических исследований, позволяющие детально рассмотреть, как изменяются пропорции массовых доходных групп в российском обществе и уровень доходов представителей этих групп, а также как эволюционирует модель доходной стратификации в нашей стране и в других странах мира. Именно этим проблемам и посвящена настоящая статья.

Для анализа динамики моделей доходной стратификации в России за 1994–2017 гг. нами были использованы три разных «линейки» массивов социологических данных, а также данные статистики. Одна из использованных «линеек» — база Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения³, вторая — данные исследований Института социологии ФНИСЦ РАН⁴. Для сравнительного анализа динамики моделей доходной стратификации использовались массивы данных «Международной программы социальных исследований» («International Social Survey Programme» — ISSP), в которой в настоящее время участвуют около 50 стран⁵, хотя в 1990-е годы круг их был уже и далеко не все из них использовали вопрос о доходах в нужной для расчетов модели доходной стратификации форме.

prosperity>; пресс-релиз на русском языке: URL: <<http://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2016/10/02/tackling-inequality-vital-to-end-extreme-poverty-by-2030>>; проверено 24.07.2017).

³ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (РМЭЗ). URL: <<http://www.cpc.unc.edu/projects/rfms>> и <<http://www.hse.ru/rfms>>; проверено 24.07.2017.

⁴ Речь идет о базе данных мониторинга «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах». Опросы с выборкой в 4000 человек, проводимые в рамках этого исследования дважды в год, репрезентируют население страны по территориально-экономическим районам согласно районированию ФСГС РФ, а внутри них — по типам поселений, полу, возрасту и профессиональному статусу.

⁵ См. подробнее URL: <<http://www.issp.org>>; <<http://www.gesis.org/en/issp/home>>; проверено 24.07.2017.

Рассмотрим сначала *общие тренды динамики доходной стратификации в России* за последние полвека. Если, в связи с отсутствием сопоставимых социологических данных за этот период, ориентироваться на данные статистики, то можно уверенно утверждать — *в последние десятилетия существования СССР для нашей страны было характерно постепенное нарастание уравнительности*. Доля доходов, приходившихся на верхний квинтиль, сократилась в период 1970–1990 гг. с 36,8 до 32,7%, а получаемых нижним квинтилем, напротив, выросла с 7,8 до 9,8% (табл. 1). Квинтильный коэффициент (отношение общего объема полученных за год денежных доходов у верхней и нижней 20%-ных доходных групп) стал составлять в итоге в 1990 г. 3,34 вместо 4,72 в 1970 г. Это немало способствовало поддержке населением, особенно его наиболее квалифицированной и благополучной в материальном отношении частью, перестройки и либеральных экономических реформ — не случайно лозунги борьбы с уравнительностью были в конце 1980-х — начале 1990-х годов так популярны в стране, особенно в крупнейших ее центрах.

Таблица 1

Динамика распределения общего объема денежных доходов населения, 1970–2016 гг., %⁶

Год	20-процентные группы населения				
	первая (с наименьшими доходами)	вторая	третья	четвертая	пятая (с наибольшими доходами)
1970	7,8	14,8	18,0	22,6	36,8
1980	10,1	14,8	18,6	23,1	33,4
1990	9,8	14,9	18,8	23,8	32,7
1995	6,1	10,7	15,2	21,6	46,4
2000	5,9	10,4	15,1	21,9	46,7
2005	5,4	10,1	15,1	22,7	46,7
2010	5,2	9,8	14,8	22,5	47,7
2015	5,3	10,0	15,0	22,6	47,1
2016*	5,3	10,0	15,0	22,6	47,1

*Предварительные данные.

В начале 1990-х годов, с переходом к либеральным рыночным реформам, «маятник доходного неравенства» резко качнулся в противоположную сторону в сравнении с предшествовавшими десятилетиями. Рост неравен-

⁶ ФСГС РФ. Официальная статистика. Население. Неравенство и бедность. Неравенство в распределении денежных доходов населения. Распределение и дифференциация денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#>; проверено 24.07.2017.

ства по доходам продолжался почти 20 лет, достигнув пиковых значений накануне кризиса 2008 г., когда квинтильный коэффициент составлял 9,37 (а показатели децильного коэффициента доходили даже до 16,7⁷). Затем этот «маятник» очень медленно начал обратное движение, и в последующее десятилетие, судя по статистическим данным, наблюдалось небольшое смягчение дифференциации доходов, в 2016 г., впрочем, приостановившееся (рис. 1). Это может означать достижение новой «точки равновесия», свойственной тем реалиям, которые характеризуют ситуацию, сложившуюся в стране к настоящему моменту, и, видимо, будут оставаться таковыми еще длительное время. При этом в 2016 г. показатели как децильного коэффициента, так и коэффициента Джини⁸ демонстрировали заметно более высокие значения, чем даже в середине 1990-х (рис. 1), после главного «подскока» основных показателей доходного неравенства в ходе либеральных реформ. Это означает, что уровень доходного неравенства в новой «точке равновесия» избыточно высок и намного выше целесообразного в условиях современной рыночной экономики, поскольку граница в 40% по коэффициенту Джини с момента публикации доклада Всемирного банка “Equity and Development” [17] считается порогом высокого неравенства, препятствующего экономическому росту из-за формирующихся при нем неэффективных институтов.

По отношению к предреформенным временам показатели доходных неравенств в России выросли, естественно, еще больше. Надежно оценить реальную динамику в этой области, к сожалению, довольно сложно, поскольку ФСГС РФ не приводит данных о децильном коэффициенте и коэффициенте Джини за период конца 1980-х — начала 1990-х годов⁹. В то же время данные Университета Объединенных Наций (UNU)¹⁰, одно из подразделений которого уже много лет формирует Всемирную базу показателей коэффициента Джини, свидетель-

⁷ ФСГС РФ. Официальная статистика. Население. Неравенство и бедность. Неравенство в распределении денежных доходов населения. Распределение и дифференциация денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#>; проверено 24.07.2017.

⁸ Коэффициент Джини характеризует дифференциацию денежных доходов у всех слоев населения, а не у полярных групп, как децильный и квинтильный коэффициенты. Значение коэффициента Джини в 40% соответствует 0,40 по Индексу Джини. В 2016 г. коэффициент Джини, по данным ФСГС РФ, составлял 41,3%.

⁹ В литературе уже обращалось внимание на то, что период с конца 1980-х до середины 1990-х годов характеризуется недостаточностью или даже утратой многих статистических данных, относящихся к доходам населения [5, с. 10].

¹⁰ UNU-RIDER. World Income Inequality Database — WIID3.4. URL: <<https://www.wider.unu.edu/database/world-income-inequality-database-wiid34>>; проверено: 24.07.2017.

ствуют о том, что при используемой органами российской статистики методике¹¹ он должен был бы на рубеже 1980-х — 1990-х годов находиться на уровне примерно 25–26%, то есть соответствовать глубине неравенств, характерных, по данным UNU, для скандинавской модели развития. Если это действительно так¹², то только за первые пять лет рыночных реформ он вырос примерно в полтора раза.

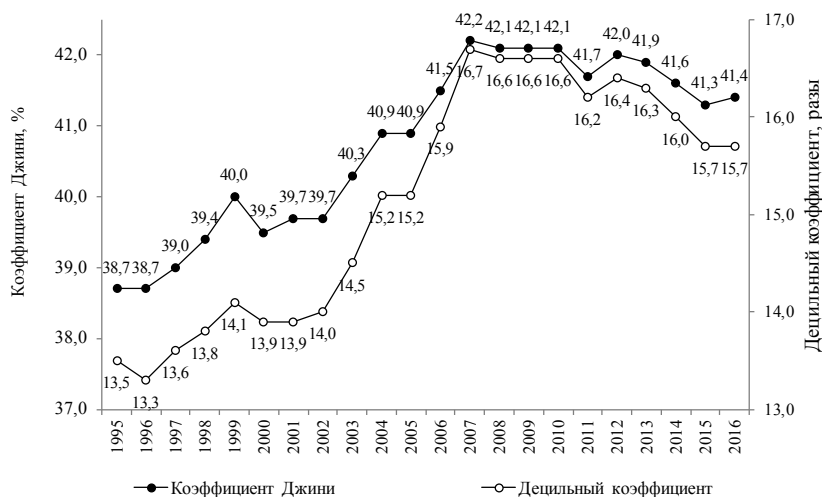

Рис. 1. Характеристики дифференциации денежных доходов населения, 1995–2016 гг.¹³

¹¹ UNU-RIDER предоставляет данные по коэффициенту Джини из нескольких источников. По отношению к данным ФСГС РФ средний показатель коэффициента Джини из приводимых в базе UNU-RIDER источников выше примерно на 5 процентных пунктов. Фактически предоставляемые ФСГС РФ данные о неравенстве можно рассматривать как нижнюю границу его оценок из всех возможных. Это означает, что реальная глубина неравенств в России гораздо дальше от той границы, которую принято считать порогом формирования неэффективных экономических институтов [17], чем это следует из данных ФСГС РФ.

¹² А такая оценка подтверждается тем, что, по данным Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), в 1992 г., то есть в момент, когда уже прошла либерализация цен и началось очень интенсивное доходное расслоение, коэффициент Джини составлял всего 28,9% (ЕМИСС. Коэффициент Джини. URL: <<https://fedstat.ru/indicator/31165>>; дата обращения: 24.07.2017.).

¹³ ФСГС РФ. Официальная статистика. Население. Неравенство и бедность. Неравенство в распределении денежных доходов населения. Распределение и дифференциация денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#>; проверено 24.07.2017.

Рассмотрим теперь *особенности динамики доходного распределения в массовых слоях* населения России, а не в российском обществе в целом, используя уже не статистические, а социологические данные. Однако сначала отметим, что существуют два основных подхода к анализу доходной стратификации и выделению в рамках нее отдельных доходных групп — абсолютный и относительный. *Абсолютный подход* к стратифицированию по доходам обычно используется для анализа социальной структуры бедных развивающихся стран. Он называется так потому, что в его основе лежит задаваемая экспертами абсолютная величина — например, размер прожиточного минимума или определенная денежная сумма в долларах по паритету покупательной способности (ППС), считающаяся границей бедности, а далее выделяются группы, доходы которых кратны этой величине [7; 10]. В рамках *относительного подхода* доходы отдельных групп населения сравниваются с неким типичным для данной страны уровнем доходов, и, следовательно, отправной точкой доходной стратификации выступает середина доходного распределения (чаще — его медиана, реже — среднеарифметический показатель доходов). Этот подход используется обычно в развитых странах, причем в качестве границы бедности в них берется, как правило, показатель в 50% от медианы [9; 15; 16].

Для своего исследования мы также использовали относительный подход, поскольку проверка эффективности наиболее распространенных в мире методик, основанных на абсолютном подходе, показала, что абсолютные методы в России с точки зрения их эвристических возможностей малоэффективны [6]. Ключевой вопрос при использовании относительных методов доходной стратификации — какой процент от медианы надо брать в качестве порогов, разделяющих различные доходные группы. Опираясь на распространенные за рубежом методики выделения границ между слоями населения, различающимися по уровню доходов [7; 8; 13; 14], а также на данные наших исследований¹⁴, мы выделили шесть таких порогов и, соответственно, семь основных доходных групп, составляющих массовые слои современного российского общества (табл. 2).

Подчеркнем — как показала проверка на массивах эмпирических данных Института социологии ФНИСЦ РАН и РМЭЗ НИУ ВШЭ, эти семь групп представляют собой не статистические, а реальные социальные группы, различающиеся уровнем и качеством жизни, степенью устойчивости благополучия, рисками бедности в случае ухудшения экономического положения в стране и т. д. Реальная глубина доходной дифференциации двух полярных, но крупных доходных групп состав-

¹⁴ Речь идет о рабочей группе: Н.Е. Тихонова, С.В. Мареева, В.А. Аникин, А.В. Каравай, Ю.П. Лежнина и Е.Д. Слободенюк. Результаты работы этой группы в соответствующем направлении представлены в: [3, с. 31–38; 4; 6].

ляет восемь раз (нижняя имеет доходы от 0,25 до 0,5, а верхняя — от двух до четырех медиан доходов¹⁵).

Таблица 2

Основные группы в рамках модели доходной стратификации массовых слоев российского общества,
РМЭЗ НИУ ВШЭ и Мониторинг Института социологии ФНИСЦ РАН, %

Группы	Среднедушевые ежемесячные доходы относительно медианы	Доля в населении	
		РМЭЗ, октябрь 2016 – январь 2017 гг.	ИС ФНИСЦ РАН, май 2017 г.
состоятельные	от 4 медиан и более	1	1
обеспеченные	от 2 до 4 медиан включительно	9	9
среднедоходные	от 1,25 до 2 медиан включительно	23	27
медианная группа	от 0,75 до 1,25 медианы включительно	37	33
уязвимые	от 0,5 до 0,75 медианы включительно	18	21
нуждающиеся	от 0,25 до 0,5 медианы включительно	10	8
нищие	до 0,25 медианы включительно	2	1

Справочно: медиана в обоих массивах — 15 000 рублей

Если говорить о динамике построенной таким образом модели доходной стратификации массовых слоев населения в России за последние 20 лет, то *общий тренд ее изменений сомнений не вызывает — за период с 1994 по 2015 год в попадающих в массовые опросы слоях населения действовала тенденция «выравнивания по среднему», причем в гораздо больших масштабах, чем можно судить по статистическим данным, а восстановилось действие этой тенденции гораздо раньше, чем в 2007–2008 гг.* (рис. 2). Сокращение двух верхних и двух нижних массовых доходных групп сопровождалось резким ростом медианной группы, который составил за рассматриваемый период около 15 процентных пунктов (46,9% в 2015 г. против 30,5% в 1994 г.). При этом не только сократилась с 36,8 до 24,0% численность низкодходных слоев, но и более чем в полтора раза снизилась доля высокодоходных слоев¹⁶. Это говорит о том, что *некоторое уменьшение неравенств в масштабах общества в период после 2007 г. скрывает за собой два принципиально разных процесса. С одной стороны, происходит*

¹⁵ Группы с доходами менее 0,25 и свыше четырех медиан доходного распределения составляли лишь 1–2% каждая, что меньше величины статистической погрешности, поэтому для сравнительного анализа они не подходили.

¹⁶ Эта же тенденция подтверждается и данными других исследований [2].

сокращение численности наиболее благополучных «рядовых» россиян, чьи доходы превышают две медианы. С другой же стороны, нарастает отрыв верхних 2–3% населения, не попадающих в массовые опросы, от основной его массы. Таким образом, относительно стабильное и благополучное положение в последние два десятилетия верхнего доходного квинтиля, фиксируемое статистикой (табл. 1), скрывает за собой довольно интенсивные процессы его внутреннего расслоения — доля в совокупных доходах россиян благополучных граждан из состава «рядового населения» становится все меньше, а доля доходов верхних 2–3% — все больше. Иначе невозможно объяснить относительную стабильность в совокупных доходах населения доли доходов верхнего квинтиля (табл. 1) при фиксируемом социологическими исследованиями резком сокращении численности россиян с доходами более двух медиан доходного распределения.

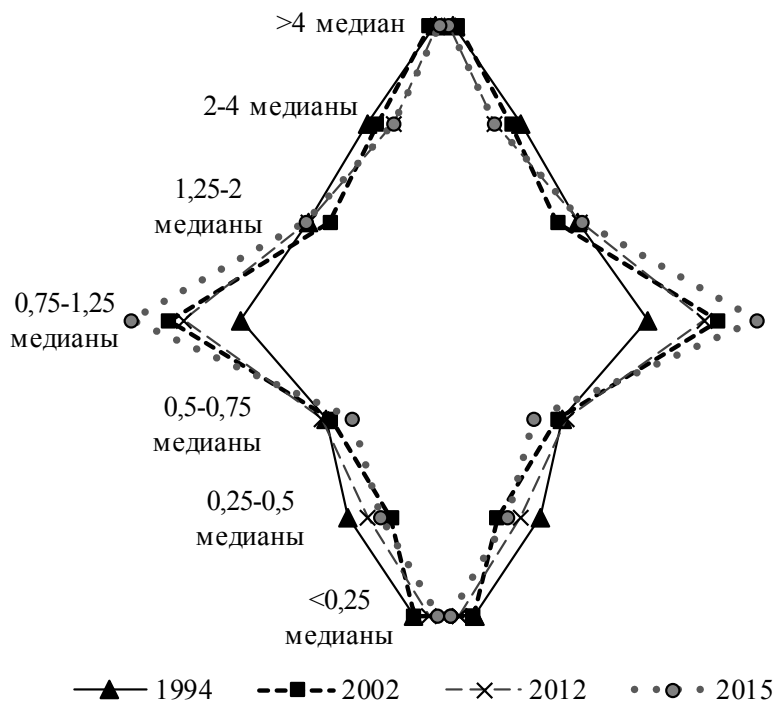

Рис. 2. Динамика модели доходной стратификации массовых слоев российского общества в 1994–2015 гг., ISSP, доля различных доходных групп в составе населения страны

Как соотносится модель доходной стратификации массовых слоев российского общества с подобными моделями в других странах мира? И насколько устойчиво это соотношение? Для получения ответа на эти вопросы мы проанализировали модели доходной стратификации массовых слоев населения в разных странах, имеющих разный уровень

экономического развития и репрезентирующих различные цивилизационные ареалы¹⁷. В их числе:

— *Швеция* (развитая европейская страна с высокими показателями ВВП на душу населения, очень высоким уровнем доходов граждан, доминированием протестантизма и скандинавской социал-демократической моделью социальной политики);

— *Германия* (развитая европейская страна с высокими показателями ВВП на душу населения, высоким уровнем доходов граждан, доминированием протестантизма и континентальной моделью социальной политики);

— *Венгрия* (постсоциалистическая католическая европейская страна, очень близкая к России в настоящее время по ряду социально-экономических показателей, в том числе по ВВП на душу населения и уровню доходов граждан);

— *Болгария* (самая бедная страна Евросоюза, сильно отстающая от России по ВВП на душу населения и уровню доходов граждан, которую, однако, сближает с нашей страной социалистическое прошлое и то, что в обеих странах доминирующей религией является православие);

— *Венесуэла* (среднеразвитая католическая латиноамериканская страна, вплоть до середины 2010-х годов много лет подряд возглавлявшаяся сильным левоориентированным лидером, в бюджете которой, как и в бюджете России, значительную роль играют доходы от продажи нефти);

— *Мексика* (относительно бедная развивающаяся латиноамериканская страна, в которой у власти много лет находится руководство, проводящее неолиберальный курс, а доминирующей религией является католицизм);

— *Китай* (бедная, хотя и быстро развивающаяся страна Азии, где, в отличие от перечисленных выше стран, процессы урбанизации и индустриализации еще только разворачиваются, зато сохраняется ориентация на социалистическую модель развития)¹⁸.

Как свидетельствуют эмпирические данные, *страны европейского ареала характеризуются иной моделью доходной стратификации, нежели развивающиеся страны Азии и Латинской Америки* (табл. 3). Для первых характерно сосредоточение основной массы населения

¹⁷ По всем этим странам в базе ISSP были данные за 2012 г., а по некоторым — и за 2014 и 2015 гг. Кроме того, по всем европейским странам из числа отобранных в базе данных ISSP имелись данные за 1994 г., а по Мексике — за 2002 г.

¹⁸ Китай и Венесуэла в 1990-е и в начале 2000-х гг. в программе ISSP не участвовали, а в Швеции вопрос о доходах присутствовал в форме, не позволяющей рассчитать медианные и средние доходы.

(около 60%) в средних слоях («общество массового среднего класса»), а для вторых — поляризация общества при относительно небольшой (около 40%) доле средних слоев и массовости нижних¹⁹ и верхних слоев, причем бóльшая численность высокодоходных слоев объясняется в них заниженностью медианных доходов, отражающей в целом невысокий уровень жизни населения этих стран²⁰. Данная тенденция проявляется независимо от общего уровня экономического развития, ВВП на душу населения и уровня доходов граждан, хотя сложившаяся в стране под влиянием ее исторического прошлого и цивилизационной принадлежности система институтов, также как политический курс ее руководства, могут оказывать ощутимое влияние на формирование модели доходной стратификации. При этом Россия относится сейчас по ключевым особенностям модели доходной стратификации к странам европейского ареала (табл. 3).

Таблица 3

Численность различных слоев и групп в разных странах, 2012 г., ISSP, %²¹

Группы и слои	Страны							
	Мексика	Китай	Венесуэла	Болгария	Россия	Венгрия	Германия	Швеция
<i>Высокодоходные слои, в т.ч.:</i>	24,9	20,6	18,6	9,8	8,5	4,2	10,4	9,1
состоятельные (>4 медиан доходного распределения)	7,7	4,7	4,2	0,5	0,8	0,2	0,5	1,5
обеспеченные (от 2 до 4 медиан)	17,2	15,9	14,4	9,3	7,7	4,0	9,9	7,6
<i>средние слои, в т.ч.:</i>	37,9	42,6	45,9	60,9	59,3	61,9	58,6	62,8
среднедоходные (от 1,25 до 2 медиан)	14,0	20,4	20,2	23,2	20,3	26,8	22,5	26,1
медианная группа (от 0,75 до 1,25 медиан)	23,9	22,2	25,7	37,7	39,0	35,1	36,1	36,7

¹⁹ Наиболее массовая глубокая бедность характерна при этом для Китая, характеризующегося наибольшей долей сельского населения из всех рассматриваемых стран [1].

²⁰ О том, как выглядят скорректированные с учетом уровня реальных доходов населения этих стран модели доходной стратификации массовых слоев, см. [4].

²¹ Наиболее характерные особенности численности отдельных доходных групп и слоев в разных типах стран выделены в таблице фоном.

Группы и слои	Страны							
	Мексика	Китай	Венесуэла	Болгария	Россия	Венгрия	Германия	Швеция
низкодоходные слои, в т.ч.:	37,2	36,8	35,5	29,3	32,2	33,9	31,0	28,1
уязвимые (от 0,5 до 0,75 медиан)	15,6	12,7	18,8	15,5	18,4	16,1	20,2	17,6
нуждающиеся (от 0,25 до 0,5 медиан)	15,1	12,7	14,4	9,5	11,5	14,7	9,2	7,7
нищие (≤0,25 медианы)	6,5	11,4	2,3	4,3	2,3	3,1	1,6	2,8
<i>Справочно:</i>								
Медианный доход в домохозяйствах в месяц, \$ по ППС ²²	130,4	300,3	337,1	312,5	565,0	484,1	1250,0	1841,3
ВВП на душу населения по ППС ²³	16 289,6	11 351,1	18 027,9	16 208,3	25 316,6	22 997,7	43 564,1	44 725,0

Дополнительный материал для сравнительного анализа доходной стратификации в России и других странах мира дает сопоставление их визуализированных моделей. Как видно из рисунка 3, Россия, относясь по структуре доходов массовых слоев населения к европейской модели доходной стратификации, характеризуется в то же время определенной ее спецификой. *Проходя по нижней границе европейской нормы численности применительно ко всем доходным группам, в отношении медианной группы Россия демонстрирует ярко выраженные отличия. Хотя массовость медианной группы является базовой чертой европейской модели в целом, в России она приобретает гипертрофированную форму, что говорит о ее тяготении к «выравниванию по среднему».*

Однако действие этой тенденции не всегда проявлялось так ярко: в 1994 г. Россия хотя и обладала массовой медианной группой, но все же намного уступала по этому показателю всем остальным европейским странам, кроме Швеции, где относительно небольшая численность этой группы компенсировалась очень высокой долей среднедоходной группы (рис. 4).

²² Для расчета показателей дохода в домохозяйствах использовался показатель Паритета покупательной способности для личного потребления (The World bank 2016. PPP conversion factor, private consumption (LCU per international \$). URL: <<http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=2&series=PA.NUS.PRVT.PP&country=>>>; проверено 25.07.2017.

²³ Для характеристики ВВП на душу населения с учетом ППС использовался показатель Паритета покупательной способности для экономики в целом (The World bank 2016. GDP per capita, PPP (current international \$). URL: <<http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD?end=2015&locations&start=2012>>>; проверено 25.07.2017.

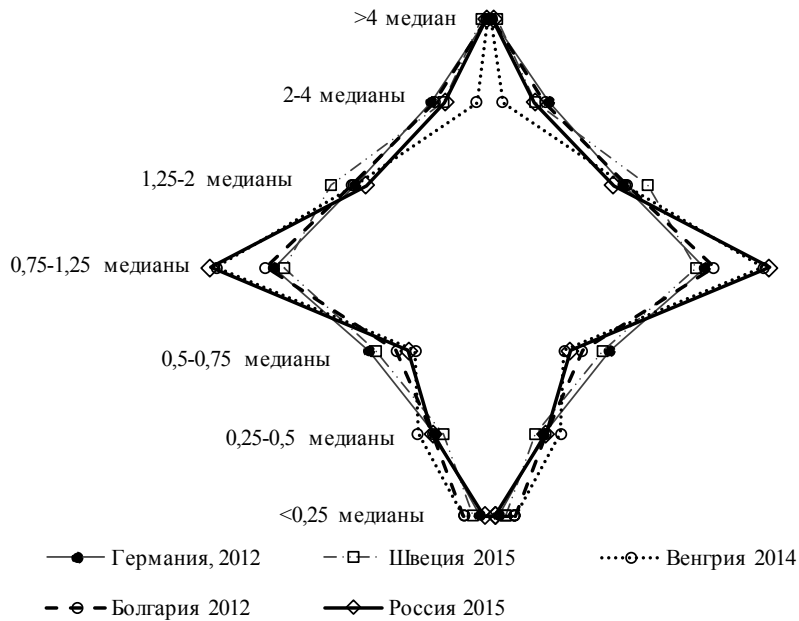

Рис. 3. Модели доходной стратификации в различных европейских странах в середине 2010-х гг., ISSP, %

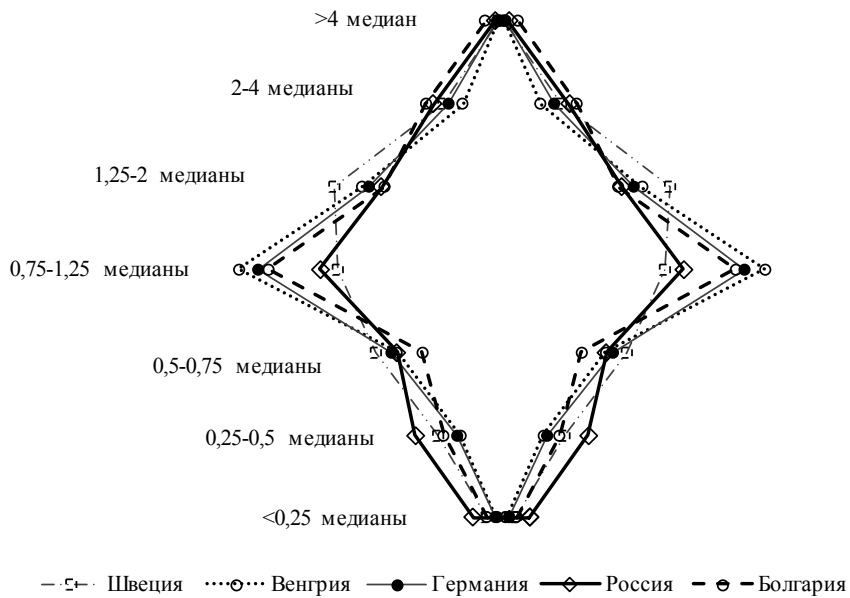

Рис. 4. Модели доходной стратификации массовых слоев населения в различных европейских странах в 1994 г., ISSP, %

Более того, если сравнить рисунки 3 и 4, то становится понятно, что ярко проявляющаяся в России в последние два десятилетия тенденция выравнивания доходов массовых слоев населения «по среднему» не является следствием социалистического прошлого — если медианная группа с 1994 г. выросла в нашей стране в полтора с лишним раза и в нее перешло более чем 16% населения, то в Венгрии численность медианной группы выросла за этот период очень незначительно (с 44 до 46%), а в Болгарии она даже чуть сократилась (с 39 до 38%).

Оценивая приведенные на рисунках 3 и 4 модели, следует помнить также о том, что верхние 2–3% населения в массовые опросы во всех странах не попадают, и *включение их в модели добавило бы к последним бесконечно длинный и очень узкий шпиль, который в России будет заметно выше, чем в других европейских странах*, — ведь «верхушка» общества в нашей стране имеет доходы по крайней мере не ниже, чем в Германии или Швеции, а медиана доходов в ней при этом в разы ниже, чем в этих странах. Тем самым по отношению к общей высоте визуализированных моделей доходной стратификации общества *все массовые слои оказываются в России сконцентрированы настолько низко и так «сплющены», что дифференциация среди разных их подгрупп практически не имеет значения в сравнении с тем, как далеко отстоит от них «верхушка» общества*. Важно подчеркнуть при этом, что *относительно низкий уровень доходов населения России в сравнении с населением Германии или Швеции обусловлен не только тем, что ВВП на душу населения в России ниже, но и тем, что в нашей стране меньшая часть самого ВВП попадает в виде доходов к массовым слоям населения*. Так, как показывают расчеты на базе ISSP-2012, если в России медианный уровень годового дохода составлял в 2012 г. в массовых слоях населения 25,7% от ВВП на душу населения по ППС, то в Германии он был почти в полтора раза выше (34,8%). О том, что далеко не всегда уровень доходов граждан прямо зависит от ВВП на душу населения, говорит и то, что первый из этих показателей в Швеции был в 2012 г. почти в полтора раза выше, чем в Германии, при близости в этих странах второго показателя (табл. 3).

Рассмотрим теперь ситуацию с соотношением моделей доходной стратификации массовых слоев населения в России и в неевропейских развивающихся странах. Отечественная модель доходной стратификации в 1994 г. больше тяготела к моделям, характерным для этих стран (рис. 5), чем сейчас. Однако и в этот очень сложный для России период «подстраивания» под неолиберальную модель развития, она занимала все же промежуточное положение между неевропейскими развивающимися и европейскими странами. Доля медианной группы была в России намного больше, чем в первых, доля высокодоходных слоев — меньше, а число представителей очень глубокой бедности (с доходами менее 0,25 медианы) было очень невелико. Кроме того, к 2015 г. Россия полностью ушла от характерной для этих стран модели

доходной стратификации. В то же время в Мексике, например, сложившиеся пропорции различных групп в модели структуры по доходам за 10 лет практически не изменились (рис. 5), несмотря на то, что показатель ВВП на душу населения в ней за это время вырос (с учетом ППС по данным Всемирного банка) более чем в полтора раза — с 10348,62 до 16289,57 долларов США²⁴ — и стал сопоставим с этим показателем 1994 г. для Германии и Швеции, имевших тогда принципиально иную модель доходной стратификации (рис. 4).

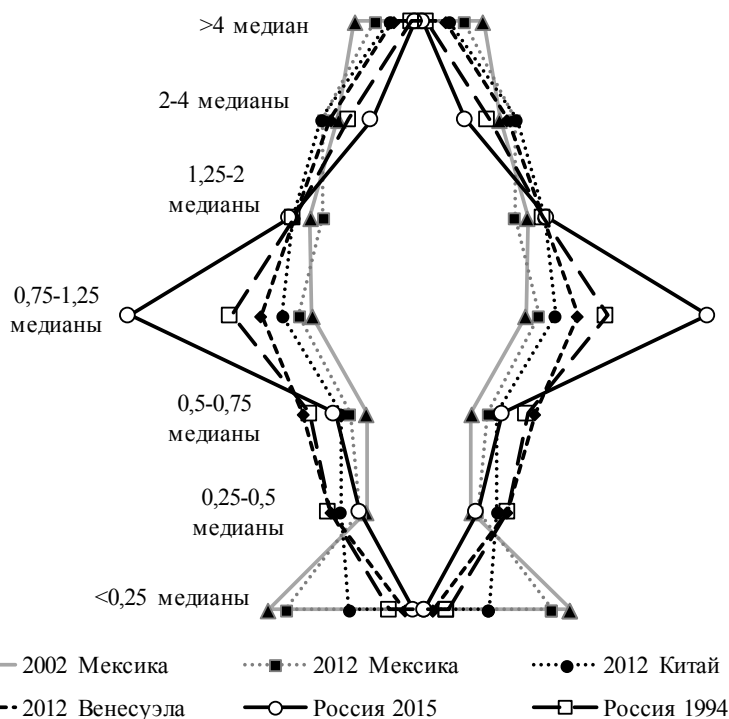

Рис. 5. Модели доходной стратификации в России, Мексике, Китае и Венесуэле, ISSP, %

Общность моделей доходной стратификации в европейских странах, их все большая унификация при разнице в уровнях экономического развития, отличие их от ситуации в странах неевропейского ареала, а также эволюция этой модели в России и в Мексике свидетельствуют о том, что *модель доходной стратификации массовых слоев населения обуславливается не столько уровнем экономического развития страны или его динамикой, сколько, во-первых, ее историческим прошлым,*

²⁴ The World bank. GDP per capita, PPP (current international \$). URL: <<http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD?end=2015&locations&start=2012>>; проверено 25.07.2017.

влияющим на легитимность определенной глубины доходного неравенства в глазах населения, а во-вторых, политическим курсом ее руководства, которое может влиять на его распределение методами социальной политики. Об этом же говорит и тот факт, что в Венесуэле и Китае, проводивших в 2012 г. левоориентированный курс, и медианная, и среднедоходная группы были более многочисленны, чем в Мексике, хотя ВВП на душу населения был в Китае гораздо ниже. Однако их модели доходной стратификации принципиально отличались от европейской очень низкой долей медианной группы (достигавшей в 2012 г., когда нефтяные цены еще не начали падать, даже в Венесуэле всего 26%), с одной стороны, и высокой численностью высокодоходных слоев и представителей глубокой бедности — с другой.

Выводы

Анализ динамики модели доходной стратификации в России свидетельствует о нескольких ее характерных особенностях. Во-первых, как видно из приведенных в статье данных, последние десятилетия существования Советского Союза характеризовались нарастанием уравнивательных тенденций, сформировавших в обществе запрос на «борьбу с уравниловкой». Однако попытка реформирования России по неolibеральным рецептам в начале 1990-х годов привела к избыточному росту доходного неравенства, поставившему под вопрос саму возможность формирования институтов, способствующих успешному экономическому росту в рыночных условиях. В 2008–2015 гг. в российском обществе в целом произошло незначительное сокращение доходных неравенств, достигших своих пиковых значений к 2007 г., однако их глубина по-прежнему остается чрезмерной.

Во-вторых, если говорить не об обществе в целом, а о его массовых слоях, то период роста их поляризации по доходам закончился гораздо ранее 2007 г. Хотя в начале 1990-х годов дифференциация доходов в этих слоях действительно быстро углубилась, уже к началу 2000-х тенденция «выравнивания по среднему» в них полностью восстановилась, а затем ее действие лишь усиливалось. Наиболее наглядное ее проявление — существенное (в полтора раза и более) сокращение с середины 1990-х до середины 2010-х численности как низко-, так и высокодоходных слоев (с доходами не более 0,75 медианы и выше четырех медиан соответственно), с одновременным очень значительным ростом медианной группы (также более чем в полтора раза).

В-третьих, уже не менее полутора десятилетий идет интенсивный процесс внутреннего расслоения верхнего доходного квинтиля, скрывающий за собой нарастающее усиление отрыва верхних 2–3% населения от остальных его представителей и снижение доли высокодоходных граждан в составе массовых слоев. И хотя сокращение этих групп в ходе рыночных реформ является для постсоциалистических стран общей закономерностью, в других странах этого типа оно идет не

столь интенсивно, как в России, а в развитых европейских государствах численность массовых высокодоходных групп в последние десятилетия остается стабильной или даже растет. В связи с этим, оценивая дальнейшие перспективы развития нашей страны, уместно вспомнить о том, что недовольные ростом «уровнировки» верхние массовые слои населения в конце 1980-х поддержали идею смены общественного строя.

Кросс-страновой анализ динамики модели доходной стратификации в России на фоне ситуации с аналогичными моделями в ряде других стран европейского и неевропейского ареалов также выявил тенденцию к уравнительности в доходах массовых слоев населения как наиболее характерную особенность нашей страны. Анализ показал, что в первой половине 1990-х годов, когда Россия ориентировалась на неолиберальную модель развития, нехарактерную для континентальной Европы, доля средних слоев была в ней заметно меньше, чем в других постсоциалистических и тем более развитых европейских странах, а доли низко- и высокодоходных слоев, — напротив, выше. Тем самым от близкой к скандинавской модели доходной стратификации советского периода Россия перешла в начале 1990-х к другому полюсу, характерному для развивающихся стран с неолиберальной ориентацией. Однако и тогда ситуация с доходной стратификацией в российском обществе заметно отличалась от ситуации в развивающихся странах неевропейского ареала. Отказ от попыток реализации неолиберального вектора развития привел к быстрому сближению модели доходной стратификации массовых слоев российского общества с типичной для европейских стран. При этом в России такая характерная особенность европейской модели доходной стратификации, как безусловное доминирование медианной группы, приобрела гипертрофированные масштабы. Достигнув к 2000-м годам типичной для стран Европы численности (около 40%), медианная группа затем проскочила в нашей стране эту «точку равновесия». В итоге сейчас примерно половина россиян живет по единому потребительскому стандарту, воспринимаемому как абсолютная норма («жить как все»), а любые отклонения от него «вниз» воспринимаются населением очень болезненно.

В целом, подводя итог, можно утверждать, что Россия по типу доходной стратификации массовых слоев населения относится к европейским странам, однако имеет две характерные особенности. Это, во-первых, ярко выраженная тенденция к росту медианной группы в силу традиционно присущему нашему обществу выравниванию доходов массовых слоев населения «по среднему». А во-вторых, это очень большой и все возрастающий отрыв «верхушки» общества от остальных россиян, означающий постепенное «истончение» прослойки, соединяющей ее с подавляющим большинством населения. Обе эти тенденции с годами усиливаются, и при кажущемся сокращении глубины внутристрановых доходных неравенств, фиксируемом статистикой, в реальности происходит их углубление.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аникин В.А., Тихонова Н.Е.* Бедность в России на фоне других стран // Мир России: Социология, этнология. 2014. № 4. С. 59–95.
2. *Козырева П.М., Смирнов А.И.* Социальная безопасность среднедоходных групп в России // Вестник Института социологии. 2016. № 19. С. 94–120. DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.436
3. Население России в 2016 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Октябрь 2016 / Под ред. Л.Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ, 2016. — 56 с.
4. *Тихонова Н.Е.* Стратификация по доходам в России на фоне других стран // Общественные науки и современность. 2017. № 3. С. 23–35.
5. Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах / Под рук. Е.Г. Ясина. — М.: Изд. Дом Высшей школы экономики. 2011. — 86 с.
6. *Anikin V., Lezhnina Y., Mareeva S., Slobodenyuk E., Tikhonova N.* Income Stratification: Key Approaches and Their Application to Russia. NRU HSE. Series WP BRP / PSP “Public and Social Policy”. 2016. No. WP BRP 02/PSP/2016. — 36 p. [электронный ресурс]. Дата обращения 25.11.2017. URL: <<https://wp.hse.ru/data/2016/12/28/1114843086/02PSP2016.pdf>>.
7. *Atkinson A., Brandolini A.* On the identification of the middle class. Income inequality: economic disparities and the middle class in affluent countries / Ed. by J. Gornick, M. Jäntti. Stanford, California: Stanford University Press, 2013. P. 77–100. DOI: 10.11126/stanford/9780804778244.003.0003
8. *Chauvel L.* Welfare Regimes, Cohorts and the Middle Classes // Income inequality: Economic disparities and the middle class in affluent countries / Ed. by J. Gornick & M. Jäntti. Stanford, California: Stanford University Press. 2013. P. 115–141. DOI: 10.11126/stanford/9780804778244.003.0005
9. *Court D., Narasimhan L.* Capturing the World’s Emerging Middle Class. McKinsey Quarterly. 2010. July [online]. Accessed 25.11.2017. URL: <<https://www.mckinsey.com/industries/retail/our-insights/capturing-the-worlds-emerging-middle-class>>.
10. *Grabka M., Frick J.* The Shrinking German Middle Class — Signs of Long-Term Polarization in Disposable Income? // DIW Berlin Weekly Report. 2008. Vol. 4 (4). P. 21–27.
11. *Firebaugh G.* The New Geography of Global Income Inequality. Cambridge and London: Harvard University Press, 2003. — 252 p. DOI: 10.4159/9780674036895
12. *Piketty T.* Capital in the Twenty-First Century. Cambridge: Harvard University Press, 2014. — 302 p. DOI: 10.4159/9780674369542
13. *Pressman S.* The decline of the middle class: an international perspective // Journal of Economic Issues. 2007. Vol. 41 (1). P. 181–200. DOI: 10.1080/00213624.2007.11507000
14. *Pressman S., Scott R.* Who are the debt poor? // Journal of Economic Issues. 2009. Vol. 43 (2). P. 423–432. DOI: 10.2753/JE10021-3624430215
15. *Rose S.* The Growing Size and Incomes of the Upper Middle Class. Urban institute. Research report. 2016. June 2016 [online]. Accessed 25.11.2017. URL: <<http://www.urban.org/sites/default/files/alfresco/publication-pdfs/2000819-The-Growing-Size-and-Incomes-of-the-Upper-Middle-Class.pdf>>.

16. *Vakis R., Jamele R., Lucchetti L.* Overview: Left Behind: Chronic Poverty in Latin America and the Caribbean. Washington, DC: World Bank. License: Creative Commons Attribution CC BY. 3.0, 2015. — 44 p.
17. World Bank. Equity and Development: World Development Report 2006. — New York: The World Bank and Oxford University Press, 2006. — 340 p.

Дата поступления: 28.07.2017.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL.

2017. Vol. 23. No. 4. P. 31–50. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.4.5527

N.E. ТИХОНОВА

National Research University “Higher school of economics”;
Institute of Sociology of FCTAS RAS;
Moscow, Russian Federation.

Natalia E. Tikhonova — Doctor of Sociology, Professor, the National Research University “Higher school of economics”; Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Address:** 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation. **Phone:** +7 (903) 729-05-39. **Email:** netichon@rambler.ru

INCOME STRATIFICATION IN RUSSIA:**CROSS-COUNTRY AND DYNAMIC ANALYSIS**

Abstract. The paper analyzes general changes in the depth of inequalities in Russian society as a whole and the vector of changes in income stratification model of the mass strata in Russian society in comparison with the dynamics of income stratification models in several other countries — developed European, post-socialist, developing Latin American countries, and China. The two-way connection between income stratification models on one hand, and the historical past and the general vector of political development of these countries on the other, is shown. Paper demonstrates that in terms of the type of income stratification of mass strata Russia is similar to European countries, but it has two distinguishing characteristics. The first one is a pronounced tendency towards the concentration of the population in the “median” group due to the traditional equalizing of the incomes of the mass strata “on the average”. Second is a very large and growing gap between the “top” of society and the rest of Russians, which means a gradual “thinning” of the stratum that connects this “top” with the mass population. Both these tendencies have been intensifying over the years. While statistics shows a seeming reduction in the depth of intra-country income inequalities, in reality, their deepening is taking place in Russia. The analysis was carried out on the basis of extensive empirical material, including FSSS statistical data for 1970–2016 and three sources of sociological data for 1994–2017 (International Social Survey Program, Russian Longitudinal Monitoring Survey — HSE and the Monitoring Study of the Institute of Sociology RAS).

Keywords: income stratification; stratification models; income inequality; income of population; income level; income dynamics.

For citation: Tikhonova N.E. Income Stratification in Russia: Cross-country and Dynamic Analysis. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2017. Vol. 23. No. 4. P. 31–50. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.4.5527

REFERENCES

1. Anikin V.A, Tikhonova N.E. Framing Contemporary Russian Poverty in the Context of Different Nations. *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya*. 2014. Vol. 23. No. 4. P. 59–95. (In Russ.)
2. Kozyreva P., Smirnov A. Social Security for Groups of Russians with Average Income. *Vestnik Instituta Sotziologii*. 2016. No. 19. P. 94–120. (In Russ.) DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.436
3. *Naselenie Rossii v 2016 godu: Dokhody, raskhody i sotsial'noe samochuvstvie. Monitoring NIU VShE. Oct. 2016.* [Population of Russia in 2016: incomes, expenses and social well-being. Monitoring of the HSE. October 2016.] Ed. by L.N. Ovcharova. Moscow: NIU VShE publ., 2016. 56 p. (In Russ.)
4. Tikhonova N.E. Income Stratification in Russia in Comparison with Other Countries. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2017. No. 3. P. 23–35. (In Russ.)
5. *Uroven' i obraz zhizni naseleniya Rossii v 1989–2009 godakh.* [Level and lifestyle of the population of Russia in 1989–2009.] Ed. by E.G. Yasin. Moscow: Izd. Dom Vysshei shkoly ekonomiki publ., 2011. 86 p. (In Russ.)
6. Anikin V., Lezhnina Y., Mareeva S., Slobodenyuk E., Tikhonova N. Income Stratification: Key Approaches and Their Application to Russia. NRU HSE. Series WP BRP / PSP “Public and Social Policy”. 2016. No. WP BRP 02/PSP/2016. 36 p. Accessed 25.11.2017. URL: <<https://wp.hse.ru/data/2016/12/28/1114843086/02PSP2016.pdf>>.
7. Atkinson A., Brandolini A. *On the identification of the middle class. Income inequality: economic disparities and the middle class in affluent countries.* Ed. by J. Gornick, M. Jäntti. Stanford, California: Stanford University Press, 2013. P. 77–100. DOI: 10.11126/stanford/9780804778244.003.0003
8. Chauvel L. Welfare Regimes, Cohorts and the Middle Classes. *Income inequality: Economic disparities and the middle class in affluent countries.* Ed. by J. Gornick & M. Jäntti. Stanford, California: Stanford University Press. 2013. P. 115–141. DOI: 10.11126/stanford/9780804778244.003.0005
9. Court D., Narasimhan L. Capturing the World's Emerging Middle Class. *McKinsey Quarterly*. 2010. July. Accessed 25.11.2017. URL: <<https://www.mckinsey.com/industries/retail/our-insights/capturing-the-worlds-emerging-middle-class>>.
10. Grabka M., Frick J. The Shrinking German Middle Class — Signs of Long-Term Polarization in Disposable Income? *DIW Berlin Weekly Report*. 2008. Vol. 4 (4). P. 21–27.
11. Firebaugh G. *The New Geography of Global Income Inequality.* Cambridge and London: Harvard University Press, 2003. 252 p. DOI: 10.4159/9780674036895
12. Piketty T. *Capital in the Twenty-First Century.* Cambridge: Harvard University Press, 2014. 302 p. DOI: 10.4159/9780674369542
13. Pressman S. The decline of the middle class: an international perspective. *Journal of Economic Issues*. 2007. Vol. 41 (1). P. 181–200. DOI: 10.1080/00213624.2007.11507000
14. Pressman S., Scott R. Who are the debt poor? *Journal of Economic Issues*. 2009. Vol. 43 (2). P. 423–432. DOI: 10.2753/JEI0021-3624430215
15. Rose S. *The Growing Size and Incomes of the Upper Middle Class. Urban institute. Research report.* 2016. June 2016. Accessed 25.11.2017. URL: <<http://www.urban.org/sites/default/files/alfresco/publication-pdfs/2000819-The-Growing-Size-and-Incomes-of-the-Upper-Middle-Class.pdf>>.
16. Vakis R., Jamele R., Lucchetti L. *Overview: Left Behind: Chronic Poverty in Latin America and the Caribbean.* Washington, DC: World Bank. License: Creative Commons Attribution CC BY. 3.0. 2015. 44 p.
17. *World Bank. Equity and Development: World Development Report 2006.* N.Y.: The World Bank and Oxford University Press, 2006. 340 p.

Received: 28.07.2017.